
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О «СВОЕМ» И «ЧУЖОМ» СРЕДСТВАМИ МИФОЛОГИЧЕСКОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА

М.Л. Хохлина

Кафедра современного русского языка
Астраханский государственный университет
ул. Татищева, 20а, Астрахань, Россия, 414056

В статье рассматриваются фраземы, когнитивная база формирования фразеологического значения которых связана с мифологическим культурным кодом, содержащим архетипическое противопоставление «свой-чужой». Основной признается пространственная субкатегория, объективированная многочисленными знаками косвенно-производной номинации.

Ключевые слова: фразема, культурный код, мифология, картина мира.

Фраземы как языковые знаки, обладающие культурной спецификой, наделены особой функционально детерминированной природой, связанной с семиотическими и когнитивными характеристиками, а потому требуют соотнесения своего значения с определенным культурным кодом.

Способ познания действительности, основанный на эмоционально-чувственном восприятии мира, формирует мифологическую картину мира, которая представляет собой «совместное переживание коллективных эмоций и представлений необыкновенной внушающей и заражающей силы» [4. С. 40], «совокупность представлений древних о сверхъестественных существах, о возникновении, устройстве мироздания в целом, а также — уже — природы и человеческого общества» [6. С. 53].

Мы рассматриваем мифологию как культурный код, который, согласно В.В. Красных, соотносится с древнейшими архетипическими представлениями человека [2. С. 232] и определяет особенности его мышления. Фразеологический корпус языка позволяет определить мифологический культурный код как продуктивный способ концептуализации ментальной категории «свой-чужой».

Для мифологической логики свойственно оперирование бинарными оппозициями: противопоставление «свой-чужой» как способ освоения мира также носит мифологический характер, кроется в глубинах мифологического, существует в сознании человека, позволяя ему моделировать представления о мире на основании эмоций, оценок, впечатлений.

Актуализация и интерпретация оппозиции «свой-чужой» происходит по мере того, как человек, носитель коллективного сознания, хранитель родовой памяти, осваивает мир, отделяя свое — обжитое, понятное, от чужого — далекого, неизвестного. Окружающая действительность воспринимается человеком прежде всего как пространство и классифицируется с помощью оппозиций «верх-низ», «правый-левый», «близкий-далекий» и т.п. Модель мира развивается и усложняется в результате категоризации природного и социального пространства на основе следующего ряда бинарных оппозиций: «жизнь-смерть», «природа-культура», «мужской-женский» и т.п.

Картина мира современного человека существенным образом отличается от архаической, однако особенности мировидения, свойственные мифологическому сознанию, находят отражение во внутренней форме многих фразеологических единиц.

Так, выделяются единицы косвенно-производной номинации, когнитивные механизмы формирования семантики которых связаны с древнейшими представлениями человека о миропорядке, т.е. единицы, дискурсивная основа которых проявляется в народных приметах, суевериях и ритуалах. Для интерпретации фразеологического значения данных фразем необходимо «подключение» мифологического культурного кода, содержащего архетипическое противопоставление «свой-чужой».

«Мифологическое сознание членит мир на основе существующих архетипов: каждый конкретный акт вычленения (номинации) „своего“ или „чужого“ восходит к некоторому образцу, архетипу, который сложился в результате каждого конкретного акта категоризации, проверился временем, устоялся и в результате стал одним из элементов мифологической модели мира» [3. С. 43]. На наш взгляд, базовой архетипической субкатегорией бинарной оппозиции «свой-чужой», объективированной единицами косвенно-производной номинации, является *пространственная* (свой-чужой мир (земля) субкатегория (ср. фраземы *родная земля — чужая сторона*). Обозначенная оппозиция реализуется в культурном пространстве мифа в самых различных вариантах.

Согласно концепции А.К. Байбурина [1. С. 65], в мифологических и ритуальных текстах существует два противоположных типа представлений о «чужом» мире, которые, по данным нашего исследования, подтверждаются многочисленными примерами на уровне фраземики.

1. «Иной» мир удален от мира людей, и для его достижения требуются значительные усилия. Так, когнитивным основанием формирования фразеологической семантики выражения *семь верст до небес (и все лесом)* является народное представление о большом расстоянии до небес и трудном продвижении без дорог по лесу. И в полном, и в усеченном варианте фраземы номинацию получает «чужой» мир: небеса — место обитания божеств и душ умерших, обычно противопоставляемое области живых; лес — труднодоступное место, полное опасностей, в отличие от родного дома, деревни и т.п. Когнитивные признаки «долгий», «непонятный», «запутанный» закрепляются в семантической структуре фраземы, которая в современном русском языке функционирует как насмешка над длинной непонятной речью, многими невыполненными обещаниями. Например: *Когда отправляли, наобещали семь верст до небес: и артисты приежзат будут, и кино будет, и квартиры дадут* (С. Антонов. Василек). Можно предположить, что в данном случае происходит сужение распространения когнитивного признака до характеристики сферы речемыслительной деятельности человека.

Пространственной характеристикой неизвестного «чужого» мира наделяется в русском языке и, например, образ, составляющий когнитивную базу фраземы *на кудыкину гору*, которая употребляется при нежелании давать точный ответ на вопрос «Ты (вы) куда?». Появление в языковом сознании говорящего ирре-

ального образа *кудыкиной горы* объясняется двумя версиями, каждая из которых апеллирует к мифологическому коду культуры. По одной из версий, фраза возникает в дискурсивном пространстве речи охотников или рыбаков и связана с существующим запретом называть конкретное место охоты во избежание действия злых сил, способных помешать удачной охоте (рыбалке). Ср. с поговоркой *Не кудыкай, счастья не будет*. Подобное когнитивное основание имеет, например, фраза *ни пуха, ни пера*. Согласно другой версии, истоки топонимического аффикса *кудыкина* лежат в дискурсивном пространстве самого языка: слово *куда* созвучно с архаизмом *куд*, означавшим злого духа, а также устаревшими глаголом *кудесить* — *колдовать* и номеном *кудесник* — «колдун». Тем не менее *кудыкина гора* однозначно выступает элементом «чужого» мира, поскольку объективируется в речи носителей языка с целью номинировать неизвестное место или место, где действуют потусторонние силы. Подобный смысловой потенциал фразеологического значения реализуется и при использовании оборота не только в качестве ответной реплики, но и как самостоятельной единицы повествовательного дискурса. Ср.: *Доброе утро, Москва. Потный тренированный голос современной певицы, как бы берущей барьер, распахнет на свободу окно, на Кудыкину гору, — и долой его, этот гнилой запад!* (Л. Володимерова // http://www.russianlife.nl/na_kudikinoj_gore.htm). В данном контексте употребление фраземы связано с актуализацией таких сем, как: «в неизвестное», «в неизведанное», «в новое», «в другой мир».

Представления о «чужом» мире — месте обитания злых духов — отразились в семантической структуре некоторых фразем с компонентом «черт», который заряжает данные единицы отрицательными коннотациями: *к черту* или *ко всем чертям послать* — «разг. грубо прогнать, а также обругать»; *к черту на рога* или *на кулички* (*у черта на рогах* или *на куличках*) — «разг. очень далеко»; *черт принес кого-н.* — «прост. выражение недовольства по поводу чьего-н. прихода, приезда»; *черт ногу сломит где-н., в чем-н.* — «1) разг. о чем-н. совершенно непонятном; 2) разг. о полном беспорядке, неразберихе». Заметим, что в аксиологическом плане все перечисленные фраземы служат для выражения негативного отношения говорящего к предмету высказывания. Такая объективация фразеологических единиц связана прежде всего с соотносительностью черта с образами мира зла, наделенными рядом «вредоносных» функций.

2. «Чужой» мир расположен в непосредственной близости от человека, действия которого направлены на укрепление границы, обеспечение ее непроницаемости и тем самым — безопасности «своего» мира. Классическим примером такого миропонимания древнего человека, нашедшего языковую форму выражения, является фраза *выносить сор из избы* — «1) разглашать ссоры, происходящие между близкими людьми; 2) разглашать где-либо или кому-либо то, что касается узкого круга лиц». По древним представлениям славян, сор (мусор), вынесенный из избы, навлекал на дом неприятности. Мифологическое сознание направлено на четкое разграничение «своего» пространства (изба) и «чужого» — всего, что находится за пределами избы. Граница между «своим» и «чужим» в данной

единице не вербализуется, но мыслится: предположительно ею выступает порог дома. Сравните с актуализацией данной мысли в следующих выражениях: *на порог (к порогу) не пускать (пустить), не допускать (допустить)* — «не принимать, не пускать в дом»; *переступить, перейти чей-либо порог* — «появиться у кого-либо, где-либо»; *за порогом (быть, находиться и т.п.), за порог (ступить, уйти и т.п.)* — «быть, находиться вне чего-либо, уйти откуда-либо», *Вот Бог, а вот порог!* — «уходи»; выражение нежелания видеть кого-либо в пределах своего дома — *Чтобы ноги твоей на пороге не было!* В когнитивно-дискурсивной базе данных фразем содержится архетипическое противопоставление между пространствами «своего» и «чужого», где реальные черты приобретает образ «своего» — дом, имеющий четкую границу, отделяющую и защищающую его от всего «чужого».

Следует обратить внимание на такой признак рассматриваемой дихотомии, как переходность, т.е. возможность преодоления границы и столкновения с «другим» миром. Так, пересечение границы между *царством живых* и *царством мертвых* — еще одна субкатегория оппозиции «свой-чужой», регулируемая мифологическим культурным кодом. Например, метонимическая трансформация, отражающая связь с символическими обрядовыми (в частности, похоронными) действиями, лежит в основе фразеологической семантики таких единиц, как *выносить вперед ногами* — «1) выносить из дома покойника; 2) убить кого-л. (в формулах угрозы)», *вгонять (вознать) в гроб* — «доводить до смерти, приближать чью-либо смерть»; *сыграть в ящик, лечь в гроб, отправляться (отправиться) на тот свет (к праотцам)* — «умереть». Сравните с эквивалентной фраземой *отправляться (отправиться) в Елисейские поля*, где когнитивным стимулом формирования косвенно-производной номинации явился образ древнегреческой мифологии: Елисейские поля — обитель блаженных, куда попадают после смерти выдающиеся герои, любимцы богов; в сознании древних греков локализованы или в подземном царстве, или в недоступной смертным долине на «крайнем западе земли». Однако представление о перемещении в область «чужого» не всегда репрезентируется в единицах, заряженных отрицательными коннотациями. К энантиосемичным фраземам относится, например, выражение *идти/пойти (отправляться/отправиться) в Мекку* — «книжн. Посещать место своих грех, предмет поклонения».

Категоризация объектов по принципу «свой» или «чужой» позволяет создать пространственные ориентиры, наделенные разными свойствами и функциями. Мифологическое осмысливание пространства не совпадает с результатами научного познания мира, но, несмотря на это, находит отражение во фразеологической системе языка как наиболее «культуросохраняющей» и «культуроносной» части всей языковой системы. Посредством мифологического кода культуры раскрываются, например, в параметрах «свой-чужой» когнитивные механизмы образования фразеологического значения единиц с компонентом «земля» и «небо». Так, в мировоззренческих представлениях древних земля и небо противопоставляются другу как реальный («свой») и ирреальный («чужой») миры, что вербали-

зается в антонимических единицах *находиться на седьмом небе (от счастья)* («испытывать огромное счастье, радость, блаженство») — *спуститься с небес на землю* («выйти из состояния эйфории, прийти к правильному пониманию действительности»). Толчком к образованию идиомы *находиться на седьмом небе* послужили, по одной из версий, древние представления об устройстве мира, которые связаны, в частности, с трактатом Аристотеля «О небе»; по другой версии — с древними вавилонскими текстами, где впервые появились астрономические теории, разделяющие небосвод на семь небесных сфер. Следует упомянуть и о библейской (позднее — коранической) версии возникновения фраземы. В любой интерпретации такие представления противоречат научным знаниям об устройстве вселенной и, следовательно, рассматриваются как характерные для мифологической картины мира.

«Символизм земли в представлениях древних отделен от символизма загробного мира» [5. С. 110], который имеет, в свою очередь, два вектора направленности: вверх (для праведников) и вниз (для грешников). Такое мировосприятие проецируется на модели поведения человека в этом мире и отражается, например, в семантике следующих фразем: *твердо стоять на земле* — «иметь все необходимое для благополучной жизни» *готов сквозь землю провалиться* — «о желании исчезнуть от стыда, страха и т.п.», *превозносить до небес* — «хвалить». Определенную роль в формировании фразеологического значения играет свойственная мифологическому уровню познания действительности эмоциональность и зависимость от чувств. Для характеристики каких-либо эмоционально-чувственных переживаний человека используется мотив потери связи с земным («своим») пространством. Ср.: *терять землю из-под ног (под ногами)* — «забывать о действительности, терять способность разбираться в происходящем», *земля уходит (уплывает, ускользает) из-под ног* — «испытывать сильное эмоциональное переживание», *земля горит под ногами* — «о проявлении презрения, ненависти по отношению к тем, кто совершил преступление».

В целом, присутствие человека в этом («своем») мире и его действия, по данным мифологической картины мира, носит «запрограммированный» характер. Во фразеологическом значении некоторых единиц отразились прежде всего древние суеверные представления о предопределенности жизненного пути человека. Например, внутренней формой фраземы *на роду написано* — «суждено, предопределено заранее кому-л.» является суеверие славян (и других народов) о судьбе, которая с рождения человека «записывалась» в специальной книге. Фразеологическое значение единицы *родиться в сорочке (рубашке)* — «о том, кому всегда сопутствует удача, счастье, кому везет» поддерживается в языковой памяти носителей языка за счет универсальных представлений о том, что человек, родившийся в околоплодном пузыре, будет счастлив. Пребывание человека на земле в мифологическом сознании определяется, например, позициями, формирующими противопоставление *выносить на своих плечах* — «выдерживать без чьей-л. помощи всю тяжесть каких-л. трудностей, испытаний» — *переложить на чужие плечи* — «избавиться от ответственности за что-л., отказаться от работы, испол-

нения обязанностей и т.п.» Следовательно, рассматриваемое архетипическое противопоставление актуально и для личностного дискурса, несмотря на коллективизм, определяющий мифологическое мышление древнего человека.

Таким образом, оппозиция «свой-чужой» как когнитивно-дискурсивная категория лежит в основе многих фразем русского языка, которые требуют соотнесения своего значения с мифологическим кодом культуры. В рамках национальной культуры происходит интерпретация данного кода, что предопределяет в дальнейшем смысловое наполнение единиц фразеологической системы в процессе их функционирования. Биполярность пространственных координат, в которых существовал древний человек (земной мир — загробный мир, реальный мир — ирреальный мир и т.п.) и которые нашли отражение в дискурсивном пространстве народных обычаев, ритуалов, примет, раскрывает архетипическую сущность оппозиции «свой-чужой» как когнитивного стимула порождения фразеологической семантики.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Байбурин А.К.* Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. — Л., 1990.
- [2] *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. — М.: Гнозис, 2002.
- [3] *Петроченко М.Н.* Семантический компонент «свой» / «чужой» в фольклорном и диалектном бытовом текстах: Дисс. ... канд. филол. наук. — Томск, 2005.
- [4] *Пивоев В.М.* Мифологическое сознание как способ освоения мира. — Петрозаводск: Карелия, 1991.
- [5] *Тресиддер Дж.* Словарь символов. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999.
- [6] *Юдин А.В.* Русская народная духовная культура. — М., 1999.

PHRASEOLOGICAL REPRESENTATION OF “ONE’S OWN” AND “SOMEONE ELSE’S” BY MEANS OF MYTHOLOGICAL CULTURAL CODE

M.L. Khokhlina

Chair of Modern Russian language
Astrakhan State University

Tatisheva str., 20a, Astrakhan, Russia, 414056

Idioms, whose cognitive base of phraseological meaning is associated with mythological cultural code containing archetypal opposition “ONE’S OWN” and “SOMEONE ELSE’S”, are pointed out in the article. Spatial subcategory objected by numerous signs of marginally-derivative nomination is considered as the main one.

Key words: fraseme, cultural code, mythology, world image.